

О вере моей

Меня часто спрашивают, как это я в Бога уверовала. И мне трудно ответить на этот вопрос. Можно, конечно, рассказать о человеке, который... Но нет! Получится не о том, получится не о моей вере. Да, этот человек привел меня, уже взрослую, окончившую институт, в храм, как ребенка. И я стояла, искоса поглядывая на иконы и на молящихся. Сама не молилась, потому что не умела. Мне вдруг захотелось перекреститься — но почему-то не смогла, рука не поднялась...

Можно рассказать и о долгих наших разговорах, которые перевернули мои представления о мире, воспитанные во мне безрелигиозной (нет, даже атеистической!) семьей, пионерско-комсомольской школой и историко-педагогическим «верхним» образованием. О разговорах, в результате которых я **поняла**, что в этом мире нет ничего выше души человека, сотворенного по образу и подобию Божию.

Но стоит забыть человеку, что он, хотя и венец Творения — но все же тварное существо, грехом поврежденное, и начинаются страшные вещи! Поняла я, что Человек-с-Большой-Буквы, «белокурая бестия» и «супермен» из нынешних западных комиксов, — суть родные братья, порождение дьявольского царства кривых зеркал. И даже такая простая мысль как-то не приходила мне в голову, что главный постулат материализма — «материя вечна, бесконечна и никем не сотворена», — в общем-то, ничем не доказан и воспринимается именно на веру, хоть и называет себя материализмом научным и диалектическим.

И все это не о вере моей рассказ выходит, а о человеке, через которого Господь даровал мне прозрение. О человеке, благодаря которому я знаю очень многое из того, что я знаю. Но не о вере.

Однако, мне трудно сказать, когда я впервые чувством восприняла присутствие Бога в мире и в себе. Мне трудно сказать, когда я почувствовала, что сей мир еще не есть все творение Господне. Но наиболее сильно это было во время первого моего причащения.

В своих дневниках нашла я описание этого дня. Вот оно.

«Причащение — таинство и тайна. С утра — в храм. Свечи зажжены, но все в полутьме. Почти никого нет. Жду долго. Почти бесконечно долго. Молю Господа простить мои грехи, хоть и много их, даже тех, которые сама помню. А сколько забылось! А сколько их по неведению совершено мною, и я сама их не знаю! Это бесконечно долгое моление о прощении и ожидание, пока выйдет священник и пригласит к исповеди, — как напоминание о том, что будет в Конце, при

Страшном Суде. Потом — исповедь, первая в жизни. Как, однако же, серы и однообразны грехи наши, если остается только головой кивать в знак согласия на перечисление их священником! Странно, что после исповеди, когда я с клироса спускалась, по телу пробежала судорога, — бес, что ли, вышел? А потом, перед причащением, я вдруг почувствовала, что — Праздник. Событие, какого в жизни моей еще не было. И правда, люди смотрели на меня светло и умиленно, как на детей смотрят, к причастию приводимых.

И когда, почти в полуобмороке, проглотила я то, что было в ложечке, а после запила тем, что — в чашечке, и кусочек просфоры съела, и спустилась вниз, то так тихо и светло стало на душе у меня, как никогда до этого времени не бывало.

И знаю я, се Господь душу мою осветил Светом Своим! Бедные, несчастные безумцы, не знающие этого сияния! Только по темной и жалкой гордыне своей, по слепоте и глухоте душевной могут они дерзнуть на Тебя, Господи! Просвети их души, помилуй и спаси их, Царю Небесный!

Такие озарения редки у меня, как, наверное, и у всех грешных людей. И недолги. Но память о них, и надежда, что Господь когда-нибудь еще осветит и освятит душу мою Светом Своего присутствия, и стремление к этому дают смысл и радость жизни.

А если, как говорят атеисты, жизнь — это только биологический процесс, то все мое стремление к совершенству, и все надежды, и мучительные поиски мысли и даже память моя преходящи, а в вечности — так и вовсе мгновенны, тогда — «лови мгновение», «бери от жизни все, что можно», и в конце концов — «все средства хороши», — чем не моральный кодекс уголовного мира?